

3 НОЯ. 40

13 ноября 1940 г. № 263 (3157).

В. МАЯКОВСКИЙ

Врангель опрокинут...

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ХОРОШО»

Мне
рассказывал
тихий еврей,
Павел Ильич Лавут:
«Только что
вышел я
из дверей,
вижу —
они плывут...»
Бегут
по Севастополю
к дымящим пароходам.
За день
подметок стонали,
как за год похода.
На рейде
транспорт
и транспортоты,
ямаки,
крики,
ругня,
мутья —
бегут
добровольцы,
задрал порточки. —
чистая публика
и солдатня.
У кого —
канарейка,
у кого —
роялина,
кто со шкафом,
кто
с утюгом
Кадеты. —
на что уж
люди толстые, —
толкались локтями,
крыли матюгом.
Забыли приличие,
бросили моду,
кто —
без юбки,
а кто —
без носков.
Бьет
мужчина
даму
в морду,
солдат
ножовника
сбивает с мостков.
Наши наседали,
крыли по трапам,
кашей
грузился
последний эшелон.
Глядя
на ноги,
шагом
резким,
шел
Врангель
в черной черкесско.
Под пули
в лодку прыгнул...
Убрали весло.
Мотор
заторжал.
Пошла
весело
к «Алмазу»
моторка.
Пулей
пролетела
штандартная ляхта.
А в транспортах — галошищах
далеко
сзади
тащились
оторванные
от ставка и пахот,

узлов
полтора
накручивая за день.
От родины
в жалы турецкой полтавы,
к туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие.
Плыли
завтрашние галлиполийцы,
плыли
вчерашние русские.
Вне-
реди
година на године.
Каждого
трясиль,
который в каске.
Будешь
дохть
коров в Аргентине.
будешь
мереть
по ямам африканским.
Чужие
волны
качали транспорты.
Флаги
с полумесяцем
бросались в очи,
и с транспортов
за яхтой
гналось:
«Аспиды»
сперли казну
и удрали, сволочи.
В духовках солнца
горы
жаркое.
Воздух
цветы рассиромили.
Наши
с песней
идут от Джамкой,
сыпятся
с Симферополя.
Перебивая
шумь разговор,
знаменами
бой
боевая,
с красными
вместе
спускается с гор
песня
боевая.
Начштаба
морщит лоб.
Пальцы
корявой руки
буквы
непослушные гнут:
«Врангель
оп-
раки-
нут
в море.
Пленных нет».
Покамест —
точка
и телеграмма
и войне.
Вспомнили —
недопахано,
недожато у кого,
у кого
доменные
топки да зори.
И пошли,
отирая пот рукавом,
расставив
на вышках
дозоры.